

Джеймс Л. Брукс:

«Комедия — без хэппи-энда»

Сьюзен ХОУАРД

Профессия — режиссер

На счету Брукса-режиссера — всего пять фильмов. «Слова нежности» (1983) получили пять «Оскаров»: три — самому Бруксу (как режиссеру, сценаристу и продюсеру) и двум актерам — Джеку Николсону и Ширли МакЛейн. «Теленовости» (1987) получили семь номинаций. «На все согласный» (1994) стал единственной творческой неудачей Брукса, но зато его следующий фильм «Лучше не бывает» (1997) получил семь номинаций и заработал два «Оскара» — Николсону и Хелен Хант, исполняющим главные роли.

После «Лучше не бывает» Брукс семь лет занимался продюсированием на телевидении, а в конце 2004 года выпустил новый фильм, комедию «Испанско-английский» (Spanglish). В этом фильме Адам Сэндлер и Тея Леони играют американских супругов Джона и Дебору, взявших в прислуги мексиканку Флор (Пас Вега), не говорящую по-английски.

— Почему вы так редко снимаете фильмы?

— Я и сам пытаюсь это понять. Каждый раз говорю себе, что должен научиться работать быстрее. Знаете, сейчас у меня есть идея, которую мне хочется реализовать, не откладывая в долгий ящик, так что, может быть... Наверное, дело в том, что я пришел с телевидения, где очень жесткие сроки, где нужно сдавать шоу раз в неделю. Иногда я занимался сразу двумя телешоу одновременно. А в кино люблю заниматься подготовкой, исследованиями. Год уходит на исследования, год — на сочинение сценария. Иногда мне приходится тратить много времени, чтобы найти деньги на съемки фильма. Но когда ты редко снимаешь, каждый фильм становится для тебя особенно дорогим. Ты им одержим, он становится всей твоей вселенной. А это не так уж плохо, когда ты снимаешь фильм.

— И зрители ждут от вас гораздо больше.

— Ну, я надеюсь, что им есть о чем думать, помимо моего следующего фильма! Конечно, у тебя немного притупляются навыки, ты работаешь не так гладко, как режиссер, снимающий по фильму в год. Но отсутствие жесткой самодисциплины искупается чувством благоговения перед тем, что происходит в кадре.

— Говорят, вы снимаете разные версии сцен, даже разные версии концовки.

— В смысле — я пишу разные финалы?

— Ходят байки, что в «Теленовостях» вы изменили финал только потому, что вам не удалось создать элемент сюрприза для Холли Хантер, которая не должна была знать, что на съемки приехал Уильям Хэрт. Когда она его случайно увидела, вы решили, что ей не удастся удивиться по-настоящему перед камерой.

— Да, я хотел, чтобы ее удивление было настоящим. Понимаете, я пробую по-разному. Если мне предлагают идею, и она кажется мне

здоровой, я охотно ее испробую. Иногда это гораздо эффективнее, чем полдня спорить с актером. Мы пробуем и смотрим, срабатывает идея или нет. Иногда получается совсем не то, что планировалось. Я считаю, что все мы должны быть открыты разным идеям. Иногда случаются удивительные открытия. Это бывает не часто, всего два-три раза за съемочный период, но когда это происходит, рождается чудо.

— Отражают ли ваши фильмы вас самого?

— Иногда мне кажется, что в фильме слишком много меня, иногда — что слишком мало. Наверное, тон моего фильма — это сугубо мое отношение к жизни. Очень трудно найти правильный тон. Я знал, что могу ввести в сюжет настоящую клоунаду, потому что Тея хорошо играет такие сцены. Дети всегда осужают любой сюжет, любую сцену. Я много работал над характером Флор, которую играет Пас Вега, потому что раньше никогда не писал персонажей родом из Латинской Америки.

— Каким образом вы добиваетесь этого уникального тона, соединяющего комедию и трагедию?

— Я люблю комедию, которая отражает жизнь. Такие комедии убеждают нас, что мы действительно можем справиться с любыми передрягами. Если события в комедии складываются гораздо лучше, чем в реальной жизни, и все коллизии завершаются хэппи-эндом, — это игра

в поддавки. Но если герои комедии испытывают настоящие беды, и их история все равно остается комедией, это внушает надежду, что мы тоже сможем пережить все, что подстерегает нас в жизни.

— Зритель привык к тому, что все сюжетные линии в финале получают развязки — а ваш фильм заканчивается недоговоренностью.

— Думаю, каждый раз, когда зритель входит в кинозал, он заключает негласный пакт с создателями фильма — о том, что он будет смотреть на происходящее на экране их глазами. А в нашем фильме мы стараемся смотреть на жизнь с точки зрения реальности. Думаю, на нашем фильме зрители очень быстро понимают, что им не стоит ждать традиционного голливудского финала. Потому что их ждет финал, в который они могут поверить. Такова суть этой истории. Разве в этой истории может быть хэппи-энд?

— Вы принципиально отказались от субтитров, поясняющих, что говорит Флор по-испански?

— Если бы мне пришлось ставить субтитры, это означало бы только одно — что я провалил главное: что хотел сказать этим фильмом. Я ужасно боялся, что после того, как я смонтирую фильм, я посмотрю его и пойму, что в нем нужны субтитры. Все сцены писались с расчетом на то, чтобы зрителю было весело оттого, что он не понимает слов. Я считаю, мне это удалось, и очень этим горжусь.

— Первоначально роль ма-

тери должна была играть Энн Бэнкрофт, но потом ее заменила Клорис Личман. Сильно ли вы изменили роль в связи с приходом другой актрисы?

— Знаете, я думаю, что с Энн Бэнкрофт сам фильм получился бы совершенно другим. С приходом нового актера роль начинает звучать по-новому. А каждая роль чрезвычайно важна для духа фильма.

— Вы переписывали какие-то сцены?

— Нет, но я иначе поставил кое-какие сцены. Фильм получился чуть более эксцентричным.

— Многие ли в персонаже Джона определяется тем, что его играет Адам Сэндлер?

— Наверное, это банально, — но я думаю, что такого персонажа мог сыграть только Адам. Он и комический актер, и воплощение обычного американца. Я посмотрел «Любовь, сбивающую с ног» и решил, что возьму его.

— Что вы делали для того, чтобы мексиканка Флор выглядела полнокровным персонажем?

— Встречался с женщинами, слушал, записывал, смотрел, как они общаются, как дети переводят родителям. Сотни женщин, сотни тетрадей с записями, с расшифровками их разговоров, в основном на испанском, которого я не знаю, с переводами. Мне так и не удалось вставить в фильм самые замечательные слова, услышанные от 19-летней матери 2-летнего ребенка. Она сказала, что в следующий раз, когда захочет серьезного романа с мужчиной, она не будет ходить с ним на свидания в клубы или рестораны, а пригласит его в парк, возьмет с собой ребенка и посмотрит, как они общаются.

— Не слишком ли красива Пас Вега для роли прислуги?

— Мне кажется, что у нее земная, доступная красота. Мы старались сделать так, что она ни разу не попыталась преподнести себя как красивую женщину. Думаю, одна из самых замечательных и трудных с актерской точки зрения сцен — когда Флор говорит, что она прекрасна. Мне нравится реакция Пас — она играет нервность, беспокоренность.

— Что вы планируете включить в DVD?

— Кое-какие сцены, которые мне пришлось вырезать. Мне хотелось бы включить кинопробу Пас, если она не будет возражать, — это была забавная проба. Кое-что, снятое за кадром. Как обычно, я сделаю комментарии — очень забавно смотреть фильм с комментариями. Если, конечно, я успею их записать, потому что сегодня DVD выходят так быстро. Мне кажется, что я только закончил снимать кино, — и вдруг уже нужно делать комментарий для DVD.

— Вам не приходило в голову попробовать для разнообразия снять фильм по чужому сценарию?

— Однажды я ставил в театре пьесу, и мне понравилось. Когда работаешь с чужим материалом, это совсем иная режиссура. Но сейчас у меня нет таких планов.

— Надеюсь, нам не придется очень долго ждать вашего следующего фильма.

— Да, у меня есть идея, и ее-то я собираюсь окупивать в самое ближайшее время.

Зузан и сцена —